

ПИНГВИНЫ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

Началось с того, что мне стало опять тридцать лет, - я увидел и почувствовал себя именно в этой счастливой поре; я опять был в России того времени и во всем, что было приуще тому времени, и сидел в вагоне, ехал почему-то в Гурзуф... Затем я почувствовал, что меня что-то тревожит. Все, казалось бы, хорошо было, - еду на юг, сижу покойно и свободно, в маленьком отделении первого класса, в курьерском поезде... Но ведь Пушкин давно умер, и в Гурзуфе теперь мертво, пусто, вдруг сказал я себе - и увидел, понял, что не только в Гурзуфе, но и везде страшно мертво и пусто. Какая-то особенно грустная осень, - тут, на юге, была еще осень, - и какой-то удивительно тихий, молчаливый день. Поезд идет быстро и полон, но полон как будто неживыми. И в тех необыкновенно ровных степях, где идет он, тоже так безжизненно, скучно, словно не осталось ни малейшего смысла их существования. Это и наяву бывает: страшно безжизненно, ничтожно кажется иногда все на свете...

- Нет, - подумал я, - что-то неблагоприятно. Нужно бросить поезд...

Я вдруг вспомнил, что очень люблю Бахчисарай, - ведь Пушкин жил и в нем когда-то, был в нем даже ханом в пятнадцатом веке, - и решил выйти в Бахчисарае, ехать дальше на лошадях, через горы, и так немедленно и сделал. Однако Бахчисарая я как-то не заметил, а в горах было жутко. Глушь, пустыня, и уже вечереет. Все какие-то каменистые теснины и провалы, и все лес, лес, корявый, низкорослый и уже почти совсем голый, засыпанный мелкой желтой листвой: все карагач, подумал я, вкладывая в это слово какое-то таинственное и зловещее значение. И лошади бегут как-то не в меру ровно, и ямщик на облучке так неподвижен и безличен, что я его даже плохо вижу, - только чувствую и опасаясь, потому что бог его знает, что у него на уме... Одна надежда на ужин в Ялте, подумал я. Спрошу себе отварную кефаль и белого Абрау...

И тотчас я увидел Ялту, ее кладбищенски белеющие среди кипарисов дачи, набережную и зеленоватое море в бухте. Но тут стало уже совсем страшно. Что случилось с Ялтой? Смеркается, темнеет, но почему-то нигде ни одного огня, на набережной ни одного прохожего, всюду опять тишина, молчание... Я сел в пустой и почти темной зале ресторана и стал ждать лакея. Но никто не шел, - все было пусто и удивительно тихо. В глубине залы совсем почернело, а за большим оконным стеклом, возле которого я сел, поднимался ветер, дымились низкие тучи и то и дело пушечными выстрелами бухали в набережную и высоко взвивались в воздух длинными пенистыми хвостами волны... Все это было так странно и страшно, что я сделал усилие воли и вскочил с постели: оказалось, что я заснул, не раздевшись, не потушив свечки, которая почти догорела, темным дрожащим светом озаряя мой номер, и что уже второй час ночи. И я вскочил, ужаснувшись: что же я теперь буду делать? Выспался крепко, а ночи и конца не видно, и за окнами шумит крупный ливень, и я совершенно один во всем мире, где не спит теперь только Давыдка! Я поспешно кинулся к Давыдке, в его погребок на Виноградной. Ночь была так непроглядна и дождь лил в ее черноте так бурно, что погребок казался единственным живым местом не только во всем Поти, - теперь я был в Поти, - но и на всем кавказском побережье, даже, больше - во всем мире. Но пока я добежал до него по каким-то узким, грязным и глухим переулкам, Давыдка уже вышел закрывать ставни на своем убогом окошке, собрался тушить свет и запирать двери.

- Но послушай, сказал я ему, чувствуя страх уже смертельный, - если ты запрешь и потушишь, что же мне тогда делать? Куда деваться? Ведь сюда зимой даже пароходы не заходят !

Однако Давыдка только языком пощелкал и неумолимо, с тем спокойным идиотизмом, на который способен лишь кавказец, помотал своей черной стриженной башкой.

- На молу гулять будешь, - сказал он. - Там всю ночь главный маяк гореть будет...

И вот я на каком-то страшном обрыве, горбатом и скалистом, где можно держаться, только прижавшись к необыкновенно высокой и круглой белой башне и упершись ногами в скалы. Вверху, в дымном от дождя и медленно вращающемся свете, с яростным визгом и криком кружатся и дерутся, как чайки, несметные траурные пингвины. Внизу - тьма, смола, пропасть, где гудит, ревет, тяжело ходит что-то безмерное, бугристое, клубящееся, как какой-то допотопный спрут, резко пахнущее устричной свежестью и порой взвивающееся целыми водопадами брызг и пены... А вверху пингвины, пингвины!